

СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV,
ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKHРоссия, Воронеж.
Воронежский государственный университет инженерных технологий.
Доцент, кандидат философских наук.Russia, Voronezh.
Voronezh State University of engineering technologies.
Associate Professor, PhD in Philosophysta-sulimov@yandex.ruРоссия, Воронеж.
Воронежский государственный университет инженерных технологий.
Доцент, кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии.Russia, Voronezh.
Voronezh State University of engineering technologies.
Associate Professor, PhD in Philosophy, Head of the philosophy Departmentigrchernigovskix@rambler.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АЦТЕКОВ И МАЙЯ ДО ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Статья посвящена сравнительному рассмотрению политических моделей ацтеков и майя. Авторы указывают, что если политическая модель ацтеков в момент знакомства с европейцами еще находилась в процессе становления, то дошедшие до нас письменные и иные источники отражают политический режим майя периода упадка. Прослеживается взаимосвязь представления человека о мировом целом, его роли в этом универсуме и политической модели. В культуре ацтеков основной мировоззренческий сюжет связан с необходимостью жертвенной крови для существования Солнца. Основным источником получения пленников-жертв является война, что обусловило специфику ацтекского общества. В статье рассматриваются механизмы социальной мобильности в ацтекском обществе, и строится прогноз вероятного развития его структуры, если бы не началось испанское вторжение. Политическая модель майя на протяжении всей своей истории обусловлена верностью династическому принципу престолонаследования. Монарх города-государства майя в первую очередь почитался как потомок основателей своего города. Заменить одну династию на другую майя не считали возможным. Исходя из этого, авторы подробно разъясняют, как и почему единственной формой политической интеграции городов майя была конфедерация.

Ключевые слова: аристократия, государство ацтеков, государство майя, идеология, картина мира, «Лига Майяпана», меритократия, политическая модель, политический режим

Political Models of the Aztecs and Mayas before the Spanish Conquest

Article is devoted to a comparative review of policy models of the Aztecs and the Mayas. The authors note that, if the political model of the Aztecs in the time of acquaintance with the Europeans was still in the process of formation, the extant written and other sources reflect the political regime of the Mayas' decline. Interrelation is observed human representations about the world, his role in the universe, and the political model. In the culture of the Aztecs the main world view subject is connected with the necessity of sacrificial blood for the existence of the Sun. Wars were the main source of prisoners-victims that determined the specificity of the Aztec society. The article considers the mechanisms of social mobility in the Aztec society, and forecasts of the probable development of its structure, if the Spanish invasion did not started. The Mayas' political model throughout its history determined the loyalty the dynastic principle of succession. A monarch of the Maya state in the first place was venerated as a descendant of the founders of his city. It was not possible for the Maya to replace a dynasty. On this basis, the authors explain how and why the only form of political integration Mayan cities was the confederation.

Key words: aristocracy, the Aztecs' state, the Maya' state, ideology, «League of Mayapan», world view, meritocracy, political model, political regime

В последние полтора века исследователи всесторонне рассмотрели политические режимы, характерные для Старого Света и в Европе, и в Леванте, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Ещё Г. Гегель разграничивал способы правления

по их отношению к свободе граждан. В начале XX в. О. Шпенглер мастерски классифицировал национальные самосознания Западной Европы, античности и исламского Востока. Но при таком внимании к культурам Евразии современные авторы

и их предшественники почему-то оставляют в стороне достаточно развитые традиционные режимы «чёрной» Африки и доколумбовой Америки. О дагомейской теократии и ганских султанах упоминали разве что Дж. Дж. Фрэйзер и некоторые советские исследователи. Месоамерика же как будто демонстративно остается без рассмотрения. В данной работе мы предпримем попытку сравнить политические режимы ацтеков и майя. Империя инков в доколумбовом Перу представляет собой очень интересный объект для изучения, но она относится к другому, не месоамериканскому культурно-историческому типу, поэтому в данное исследование не входит.

К тому времени как на берега Мексики впервые ступили испанцы, ацтеки представляли собой молодой народ, ещё даже не завершивший своего культурного становления, но при том очень активный, деятельный и творческий. Считается, что в 1068 г. ацтеки покидают свою легендарную прародину Астлан (отсюда и название «ацтек»). В 1168 г. они появляются в районе озер Анауака. Здесь они выбирают несколько островков в двух-трех километрах от берега озера Тескоко, где в 1325 г. основывают город Теночтитлан («город Теноча»). В это время в долине Мехико вели борьбу за лидерство несколько городов-государств, среди которых выделялись более могущественные Аскапоцалько и Кульхуакан. Ацтеки вмешались в эту борьбу, выступая в роли наемников у наиболее сильных и удачливых хозяев. В 1427 г. ацтеки организовали «тройственную лигу» — союз городов-государств Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана (Такубы) — и приступили к последовательному завоеванию сопредельных областей. К моменту прихода испанцев в начале XVI в. так называемая Ацтекская империя охватывал огромную территорию — около 200 тыс. кв. км. — с населением 5–6 млн. человек.

Политический механизм, сложившийся в этой империи, был отражением представления человека о мировом целом и его роли в этом целом. Месоамериканская картина мира содержала в себе представление о циклическом разрушении мира и замене его на новый. По убеждению месоамериканских народов уже четыре мира прожили свой жизненный цикл и были уничтожены стихийными бедствиями (ураганом, наводнением, огнём и нападением гигантских ягуаров), а в наши (и те) дни проживает свою жизнь пятый мир. Майя и тольтеки пытались высчитать дату его гибели (чем положили начало теории конца света в 2012 г.), ацтеки же пошли ещё дальше. По мнению ацтекских мудрецов и правителей, возможно, и вождя Теноча, источник всякой жизни — солнце, и пока оно светит, мир не может погибнуть. А источником солнечной энергии, согласно верованиям ацтеков, является человеческая кровь. До тех пор, пока солнце будет щедро напоено кровью в виде жертвоприношений, мир не погибнет. Поэтому свою задачу «теночки» видели в ежедневном поддержании жизни солнца и, тем самым, спасении мира. На этом постулате держалась государственная идеология ацтеков. Их государство с необходимостью должно было стать милитаристским, так как в жертву приносили обычно пленников, а для этого требовалось постоянно воевать.

Ацтекское государство, вопреки стереотипному мнению, вовсе не было аристократическим. Племенная или родовая знать если и была у ацтеков когда-нибудь, в изученные периоды их истории никакой роли уже не играла. Носителем и отпра-

вителем власти на протяжении XIV, XV и начале XVI вв. оставался назначенный чиновник. Поскольку центром ацтекского общества был город, то чиновник именовался «квартальный» («кальпишке»). В его обязанности входил в основном сбор дани, но так же и поддержание порядка на вверенном участке, нередко чиновник имел и судебные полномочия. «Кальпишке» же ведали и государственным строительством, особенно таких стратегически важных объектов как пирамиды или дороги. При этом чиновник не получал жалования, а все вверенные ему ресурсы считались его личной собственностью. Однако вся эта личная собственность должна была употребляться для выполнения полученных из центра заданий. Если допустить, что «кальпишке» занялся нецелевым расходованием средств, то завершать строительство или починку объекта ему пришлось бы из собственного кармана. Местные племенные вожди были обязаны выполнять распоряжения назначенного чиновника неукоснительно, а поскольку ацтеки побеждали соседей на поле боя и облагали их регулярной данью, то «кальпишке» несколько раз в год навещался даже в самые отдаленные города и местечки долины Анауак и прилегающих территорий.

Однако нельзя сказать, что ацтеки жили при чиновно-бюрократическом режиме, наподобие средневекового Китая. Важное отличие от культур Старого Света заключалось хотя бы в выборности монарха, который всё-таки не был назначенным на всю жизнь чиновником. Подробно исследовавший этот вопрос немецко-американский ученый Виктор фон Хаген даёт институту монархии у ацтеков объёмную, но очень внятную характеристику: «Правитель ацтеков носил титул «Тот, Кто Говорит» (производное от *тлатоа*, «говорить»); его выбирали. (...) Каждая семья была членом земельной общины; группа семей образовывала клан, двадцать каких составляли племя теночков. Каждый клан возглавлялся собственным советом и выборным вождем; из них старейший, мудрейший либо опытейший, отбирался для представительства в межклановом совете — связующем звене между кланами и общеплеменным правительством. Это последнее сужалось до четырех персон, бывших советниками главы государства и выборщиками «короля» (вроде выборщиков, следуя подходящей аналогии, в Священной Римской империи), поскольку «короли» становились таковыми не в силу первородства, но избирались из братьев предыдущего правителя или, если таковых не было, из его племянников¹. То есть совет из четырех «тлатоани» выбирал монарха, так называемого, «уэй-тлатоани», по остроумному замечанию В. фон Хагена, «главного спикера». Правитель был окружен пышным церемониалом, даже вожди, которых он принимал, были обязаны приходить в бедной одежде и без обуви. Богатый двор и немислимая роскошь создавали «уэй-тлатоани» репутацию почти что божества. Но при этом монарх точно знал, что его власть получена от подданных и дана не ради самой себя, а исключительно для действий на благо государства.

Как мы отметили выше, главной целью ацтеков было поддержание жизни на земле при помощи регулярных человеческих жертвоприношений солнцу. Поэтому в их обществе сложились две элиты, военная и духовная, каждая из которых была жестко

¹ Хаген, В. фон. Ацтеки, майя, инки / В. фон Хаген. М.: Вече, 2004. С. 75.

СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

структурирована. Исследовавший этот вопрос Ж. Сустель пишет: «Стоявший на вершине общественной иерархии руководящий класс делился, в свою очередь, на несколько категорий, различающихся либо по своим функциям, либо по своей важности и окружавшим их почестям. Верховный жрец был равен военачальнику, но и тот, и другой смотрели свысока на бедного квартального жреца или мелкого чиновника, занимавшегося сбором дани в поселке»². При этом светская власть находилась в руках военных и высшего чиновничества, состоявшего из отставных ветеранов. Эта категория управленцев именовалась «текутли» («господа») и ошибочно приравнивалась конкистадорами к дворянами. Дело в том, что занять такую должность в государстве ацтеков можно было только выборным путем или по назначению. Наследственной знати ацтекам не знали, и в их обществе была высокая социальная мобильность. Дети простолудинов точно так же ходили в школу, как и дети «господ». После школы всех их ждала военная служба, бывшая одним из самых действенных социальных лифтов. Проявленные отвага, исполнительность и смекалка вводили юношу в число офицеров (именуемых «куачики»), что открывало путь на самый верх, в ряды «текутли» или даже на трон. Если ветеран не хотел оставаться в армии, то его ждала чиновная должность, эквивалентная его воинскому званию. Можно предположить, что ацтеки имели некий аналог «табели о рангах». «Текутли» получал почтительное окончание к имени «-цин» и, скорее всего, уже не мог быть лишён высокого статуса, хотя его и могли перевести из одной местности в другую или перебрасывать из ведомства в ведомство. А вот дети «текутли» именовались «пилли» («сынки») и никакими привилегиями не пользовались, что к началу XVI в. вызвало серьёзные протесты чиновных и военных верхушек. Таким образом, каждый юноша, даже из самой бедной семьи, теоретически мог забраться на самый верх общественной пирамиды.

Но поскольку ацтеки воевали не ради войн, а ради жертвоприношений, то второй элитной общественной группой было жречество, посредники между солнцем и его верными слугами. Формально стать жрецом, то есть поступить в особую, религиозную школу мог любой мальчик, независимо от своего происхождения. Однако профессиональное жречество предполагало целибат, а для гарантии «послушников» подвергали кастрации (по крайней мере, об этом свидетельствуют Берналь Диас и Бернардино де Саагун). Жреческое образование было наполнено аскезой, доходившей до самоистязания, и поэтому находилось мало желающих получить его. Тем более что отставной воин вполне мог занять место среди клира, не подвергаясь столь мучительному воспитанию. Жречество, разумеется, делилось на множество степеней, но два высших жреца, настоятели столичных храмов войны и грозы (божеств Уицилопочтли и Тлалока) входили в совет «тлатоани», и даже монарх навещал их лично. Поскольку цели и задачи ацтекского государства были религиозными, то клир не мог не играть в нём важнейшей роли. Чиновничество выступало лишь помощниками жрецов в их главном деле, равно как воины доставляли для солнца «жертвенных кандидатов», но провести конечный ритуал, в представлении

ацтеков спасти мир, могли только жрецы. В силу целибата эта общественная группа не могла быть наследственной, что исключало окончательное превращение ацтекской монархии в теократию, равно как бесправие «сынков» не позволяло ацтекам вырастить военную аристократию.

Военные победы позволяли «теночкам» навязывать свою волю соседним городам и племенам, но воля эта заключалась лишь во взимании регулярной дани. Ацтекское солнце хотело крови и получало её в избытке. Пользуясь случаем, монарх выжимал из побеждённых соседей ремесленную и сельскохозяйственную продукцию, а для поддержания собственного авторитета оставлял гарнизоны в наиболее беспокойных местах. Но при этом ацтеки даже не пытались интегрировать побеждённых в своё государство. Когда некоторые исследователи пишут об «империи ацтеков», то важно понимать, что это метафора. На самом деле это был скорее союз трёх городов, Теночтитлана, Тлакопана и Тескоко, а остальные города долины Анауак и более дальние находились по отношению к ним в вассальной зависимости. Заинтересованные в постоянном притоке жертвенной крови, «теночки» нередко приказывали вассалам выступить против них без оружия или провоцировали военные столкновения из-за мелочей. Так, «уэй-тлатоани» Ашайякатль выступил против своего зятя, соседнего вождя за то, что тот якобы грубо обращался с женой. Побеждая, ацтеки вовсе не сжигали городов и не устраивали грабежей. Их интересовала только дань, которая будет взиматься с данной территории. Ненависти к вражеским правителям они не питали, так как это вообще не характерно для тех краев. Считается, что единственным, кто пытался ликвидировать вражескую династию, был правитель города Аскапоцалько Тесосомок, но его город был разгромлен и захвачен ацтеками в 1440-е гг. Но, оставляя побеждённых владык править, «теночки» всегда увозили в Теночтитлан изображения их богов, считая, что тем самым пленяют вражеского покровителя. Их войны были войнами их богов и велись исключительно в религиозных интересах. Возможно, именно поэтому у них не сложилась феодальная аристократия: победители не захватывали землю ни в личную, ни в общинную собственность, война велась в первую очередь за жертвенную кровь, а во вторую — за материальную дань. Конечно, на подвластной ацтекам территории царил единый закон, а власть Теночтитлана никем не оспаривалась, но это не было самоцелью.

Такие условия очень благоприятны для торговли, и в них неминуемо расцвело купеческое сословие, именуемое «почтека». Ацтекские купцы совершали дальние путешествия до самого Юкатана, что им позволяли делать прокладываемые и ремонтируемые властями дороги и мосты. При случае «почтека» шпионили на соседних землях, а если их ловили местные контрразведчики, то охотно оказывали сопротивление, что можно было считать поводом для объявления войны. Согласно одной из легенд, ацтекский торговый караван однажды провёл год в осаде, но всё-таки отбил от возмущенных шпионажем хозяев территории. Купцы передавали свои состояния по наследству, что позволяло их семьям крепнуть в экономическом отношении. Они не могли претендовать ни на какую власть и даже на уважение в военизированном обществе, но деньги решают многое. К началу XVI в. отпрыски многих богатых купеческих семейств учились в военизированных школах и начинали ар-

² Сустель Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания / Ж. Сустель. М.: Молодая гвардия, 2007. с. 69.

СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

мейскую карьеру. Мы привыкли воспринимать ацтеков в статике, считая естественным окончанием их культуры испанское завоевание. Но в том-то и дело, что это неестественное окончание! Если на миг познакомить историю с сослагательным наклонением, то легко представить столкновение между усилившимся, проникнувшим в чиновные ряды купечеством и всё-таки добившейся наследственных привилегий военщиной. В этом столкновении победила бы та сторона, которую поддерживали бы жрецы. В случае победы военных Теночтитлан стал бы похож на Рим эпохи «солдатских императоров». Если бы победили купцы, то ацтеки стали бы венецианцами или карфагенянами Нового Света. Из-за внезапного и успешного вмешательства европейцев вектор развития ацтекской культуры оказался прерван, а для современного исследователя «теночки» навеки застыли в процессе становления. Мы никогда не узнаем, превратился бы Теночтитлан в Вавилон Нового Света или остался бы средоточием военной машины. В случае победы купеческой олигархии к чему бы он был ближе — к средневековой Венеции или к древнему Карфагену? Это вопросы без ответов.

Впрочем, прогнозировать возможное будущее ацтекского общества всё-таки возможно, если обратиться к их восточным соседям, юкатанским майя. Ареал майянской культуры — южные штаты современной Мексики (Чьяпас, Табаско, Юкатан, Капмече, Кинтана-Роо), а также Белиз, Гондурас, Гватемала и северный Сальвадор. История майя невероятно длинна: её архаический период датируется 1600–1500 г. до н. э. В силу крайнего восточного положения эти места редко подвергались иноземным вторжениям, хотя нельзя сказать, что майя жили в изоляции: в 900-е гг. н. э. они вели войну с продвигавшимися на восток тольтеками, в XV–XVI вв. торговали с усиливавшимися ацтеками, по ряду сообщений совершали морские вояжи к берегам Кубы и Ямайки. Но при этом в силу географического фактора майя смогли на протяжении столь огромного промежутка времени (VI до н. э. (возникновение первых городов на Юкатане) — XVII в. н. э. (захват испанцами последнего независимого майянского города)) сохранить непрерывность своего культурного развития, невзирая на ряд спадов и длительную стагнацию. Можно сказать, что к 1697 г., когда испанские колониальные войска заняли Тайясаль, последний независимый майянский город, культура майя прошла свой исторический путь от зарождения через расцвет к упадку и распаду, после чего сохранялась ещё едва ли не тысячу лет только потому, что некому было положить конец «больному человеку Месоамерики». В силу того, что все уцелевшие майянские надписи и книги, благодаря открытию Ю. В. Кнорозова, в наши дни уже расшифрованы, мы можем рассматривать политическую культуру майя вполне обоснованно.

Если ацтекский режим в силу его молодости и претензий на «спасение мира» в определенной мере является меритократией, то майя воплотили в своём обществе династический принцип правления, доведя его почти до самоотрицания. Их религиозные верования не требовали от «паствы» никакой вселенской миссии, а божества строили отношения с просителями по известной любым язычникам формуле «do ut des». Поэтому в майянских городах-государствах не сложилось военной аристократии: в силу крайнего восточного положения воевать было не с кем. Зато инженерный талант позволил индейцам

проложить сквозь леса дороги и строить лодки-каное, на которых велась бойкая торговля по карибскому побережью вплоть до Панамы. Следовательно, процветало купечество. По логике исторического развития, города-государства должны были бы объединиться в какое-то политическое или хотя бы экономическое сообщество; этого требовали коммерческие интересы самих городов-государств. Но этого не произошло. Точно так же как ни в одном из майянских «княжеств» не установилась республиканская или хотя бы олигархическая форма правления. Географически и в некотором роде культурно различаются юкатанские майя и майя-киче, живущие в долине реки Усумасинта, но даже такие близкие друг к другу города как Четумаль и Чичен-Ица не пытались интегрироваться.

Культурная картина мира майя содержала в себе яркие представления о реинкарнации, но совсем не такие, что содержатся в индуизме или буддизме. По мнению древних майя, человек не перерождался после смерти как личность, но многие его индивидуальные черты возрождались в его потомках. Особенно после проведения некоторых ритуалов, ради которых, собственно, и были построены легендарные пирамиды. В основании этих грандиозных сооружений всегда похоронен либо основатель династии, заложившей данный город, либо какой-то известный его сановник, ставший ещё при жизни примером для подражания. Правителем города мог быть только потомок основателя династии, и никакие заслуги не могли вознести человека на вершины власти, если только он не приходился роднёй местным венценосцам. «Князь» майя назывался «халач-уаник», то есть «настоящий человек», и он располагал абсолютной властью, передававшейся по наследству детям или братьям. Конкистадоры утверждали, что «настоящий человек» считался подданными божеством, но это не так. Майянские города располагали развитым жречеством, и глава клира («ах кин») в каждом городе являлся первым советником правителя. Любопытно, но жреческие должности также передавались по наследству, что исключало в рядах майянского духовенства celibat. Создается впечатление, что абсолютно всё, что только можно было, майя стремились завещать детям и младшим братьям (от земельного надела до государственной должности), и поэтому социальная мобильность их общества была крайне низкой. Земледельцы-общинники, состоявшие в торговых и административных отношениях с городами, при желании могли перебраться в город, но не имели ни малейших шансов занять «выбиться в люди». Из наследственного характера майянских городских монархий следовала особенность военного противостояния между ними: вражеский город нельзя было завоевать, но можно было обезглавить и тем самым уничтожить. Подробно исследовавшая историю майя Г. Г. Ершова так описывает механизм ликвидации майянского города-государства: «Как бы то ни было, тактический расчёт захватчиков строился на уничтожении правящей элиты майя, связанной кровным родством с захороненными в пределах акрополей родовыми предками. Без такой связи между живыми и мертвыми город утрачивал значение символа власти. Вместе с тем, никакой чужак не мог претендовать на власть в городе, восходя на пирамиду, в которой находилось погребение не его предка»³. То

³ Ершова Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика / Г. Г. Ершова. М.: Алетея, 2002. С. 112.

СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

есть можно было уничтожить враждебный город, но нельзя было его захватить. Вернее, устроить штурм и разграбление труда бы не составило, но победитель не имел сакрального права присоединить побеждённого врага к своей территории. И в тот момент, когда история поставила перед майя задачу политической и экономической интеграции, во время тольтекского нашествия (900–1100 гг.), они смогли решить эту проблему лишь отчасти, самым ненадёжным способом: через отношения вассалитета. Сложилось некое подобие конфедерации, получившее название «Лига Майяпана». «Единственной известной столицей объединённых майя был Майяпан. Свидетельства его существования подлинны — они в записанной иероглифической истории, в долгой традиции и в доказательствах археологических раскопок. Основанный Кукульканом в 987 году нашей эры, после того как майяговорящие ицы захватили Чичен-Ицу и окружающие местности, Майяпан дал своё имя, которое означает «Знамя майя», лиге городов-государств, в которой он, согласно традиции, объединился с Чичен-Ицей и Ушмалем»⁴. Лига, представлявшая собой «тройственный союз» самых могущественных городов, была направлена против тольтекских захватчиков. После распада тольтекской империи в XIII в. Лига, руководимая майяпанской династией Кокомов, попыталась распространить своё влияние на весь Юкатан. Тем более что она уже располагала не только ополчением общинников, но и полупрофессиональными отрядами хольканов. Однако у такого политического образования должно было сложиться одно-единственное правительство, которое при майянской привязанности к династическому принципу просто не могло возникнуть. Вассальные династии Ушмали и Чичен-Ицы выполняли распоряжения центра, но при этом вовсе не собирались отказываться от своей власти на местах. И сам майянский менталитет не допускал их ниспровержения. В результате в 1440-е г. произошла кровавая междоусобица между майяпанскими Кокомами и влиятельной ушмальской династией Тутуль-Шиус, возглавляемой «халач-уаником» Ах Шупаном. Майяпан был взят штурмом и разрушен, а почти все Кокомы перебиты (вероятно, для гарантии его дальнейшего упадка). Уцелевшие представители династии бежали на юг, где обрели немалую власть среди майя-киче. Однако на этой Лига распалась, ведь Тутуль-Шиус не могли ничего больше сделать, кроме как ликвидировать власть и в других городах, чего им, разумеется, никто не позволил. Такова единственная попытка интеграции майя в единое государство. Можно сказать, что мятежный вассал уничтожил сюзерена, но не смог занять его место.

Возникает закономерный вопрос: каким образом «халач-уаник» управлял сельской округой своего города, если майя не признавала никакого правителя, кроме наследственного? Ответ показался бы нашим современникам диким в своей простоте: власть на местах находилась в руках *наследственного* чиновничества. Полновластным правителем в каждой сельской области был, так называемый, батаб («тот, кто с топором»). В его руках находилась высшая военная, административная и судебная власть, подчиненные считали его едва ли не божеством. По воспоминаниям конкистадоров, даже начальник уже захваченной ими области обставлялся

торжественным церемониалом и прибывал подписывать капитуляцию не иначе как на носилках, окруженный толпой лакеев. При этом батаб был и правительственным функционером, надзирающим за сбором дани и стратегическим строительством. В случае его профнепригодности должность могла перейти только к его сыну, брату или племяннику. Разумеется, в такой развращающей, располагающей к коррупции обстановке батабы рисковать собой не любили. Возможно, что в годы тольтекского нашествия они и возглавляли крестьянские ополчения, но уже к XV в. фактическое военное командование находилось в руках *накома*, предводителя, избираемого на три года и не имеющего никаких полномочий, кроме как в военное время. Появившиеся в годы войны с тольтеками полурегулярные отряды наемников-хольканов составляли элиту воинских формирований, хотя большая часть воинов всё равно состояла из призванных на время кампании крестьян. «Войска набирались по селениям и городам. Каждый крепкий мужчина, могущий обращаться с луком стрелами и копьем, считался годным»⁵. Но будет ли введено военное положение и когда это сделать решал городской магистрат, именуемый «ах хольпоп», нечто среднее между военным комиссаром и комендантом. Таким образом, наком в мирное время не имел никаких полномочий, не занимал никакой должности и если даже, допустим, привлек бы на свою сторону малочисленных хольканов, то вряд ли у него удался бы переворот: власть батаба была наследственной, а наком в силу генетического принципа оставался никем, человеком для разовых кровавых поручений. Любопытно, но случайно попавший в плен к майя испанец Гонсало Герреро смог пройти путь от невольника до *накома* и даже принял участие в боях со своими бывшими соотечественниками. Думается, что никакой военной талант не помог бы ему стать батабом. Поэтому, наверное, майянский владыка и позволил европейцу командовать воинами: шансов захватить власть у него не было.

Итак, мы рассмотрели политические модели доколумбовых ацтеков и майя. Две непохожие друг на друга, взаимоисключающие концепции управления обществом и государством. Подогреваемая имперской и апокалиптической идеологией меритократия ацтеков даже в наши дни видится пределом эффективности. Действительно, постоянные победоносные военные кампании, бурно развивающаяся торговля, эффективное сельское хозяйство в практически безводных краях, грандиозное строительство иллюстрируют качество ацтекского управления. Выборность любого должностного лица и отсутствие наследственных привилегий спасали государство от засилья титулованных бездарей. При высокой социальной мобильности держава ацтеков не знала праздных классов. Но, как мы уже говорили выше, ацтекская культура была уничтожена внешним вторжением в момент своей исторической «весны». Если представить, какой она могла бы стать через сто лет после Конкисты, если бы таковой не произошло, то несомненно одно: человеческий фактор взял бы верх над любой идеологией или религией. Либо торговая олигархия, либо военная диктатура, либо, в самом невероятном случае, появление воинской ари-

⁴ Хаген, В. фон. Ацтеки, майя, инки / В. фон Хаген. М.: Вече, 2004. с. 233.

⁵ Хаген, В. фон. Ацтеки, майя, инки / В. фон Хаген. М.: Вече, 2004. с. 237.

СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

стократии положили бы конец свободному перемещению по должностям талантливых выходцев из простонародья.

Иначе, более привычно для жителей Старого Света выглядит политическая модель майя. Династический принцип престолонаследия знаком средневековым европейским королевствам и восточным деспотиям, но майя довели его до абсурда. Даже в средневековом Китае кандидату в чиновники необходимо было хотя бы сдать экзамен по литературе и истории! Майя же предпочитали династии чиновников, от представителей которых не требовалось никаких знаний или навыков, никакой компетентности. Майянские правители также получали носившую сакральный характер власть по наследству, что ис-

ключало какие-либо усилия с их стороны. Однако тот факт, что майянское общество просуществовало столь долго, означает, что параллельно с вельможными бездельниками действовала и реальная элита, купеческая и военная, представители которой прикладывали усилия к каждому своему делу и отвечали за его успех головой. Но при этом они де юре не могли занимать никаких должностей. Остаётся предположить, что почти каждый «халач уаник» или батаб соизмерял свои запросы с реальностью и точно знал, где заканчивается его «генетическое право» и начинаются «право меча» и «власть денег». Удивительно, но месоамериканские политические модели показывают нам наше возможное будущее, хотя и в крайне утрированной форме.

